

УДК 321.727

Ю.С. Коноплин, проф., д-р полит. наук

Московский государственный педагогический университет

119992, Москва, ГСП, ул. М. Пироговская, 1

E-mail: www.mpgu.edu

А.А. Чемшит, проф., д-р полит. наук

Севастопольский национальный технический университет

ул. Университетская, 33, г. Севастополь. Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX — XX ВВ.

Поднимается проблема становления демократической теории в контексте российской действительности начала XX века. Анализируется консервативный вариант демократического процесса.

Ключевые слова: *модель демократии, кризис демократии, монархия, либеральный консерватизм, патриархальный консерватизм, революционный консерватизм.*

Современная политическая мысль России, подобно общественной мысли начала прошлого столетия ищет формы осуществления власти в государстве. Эта ситуация делает работы российских философов и политических деятелей начала XX века достаточно актуальными для наших дней, поскольку в них дан не только анализ состояния различных форм общественного устройства (как на Западе, так и в России), но и сформулированы способы эффективного сосуществования народа и власти.

В начале XX века в центр интеллектуальной мысли становится проблема демократии в России. При этом обнаруживается как минимум 3 модели ее проработки. Речь идет о либеральном, социал-демократическом и консервативном понимании сущности и явления демократического проекта. Нашей задачей является рассмотрение последней версии.

Отношение приверженцев консервативной идеологии к демократии было неоднозначным. Консерватизм как идейно-политическое течение претерпел некоторую эволюцию в процессе своего существования. На наш взгляд, можно согласиться с периодизацией, предлагаемой некоторыми исследователями, которые выделяют следующие периоды развития консерватизма в конце XIX – начале XX века:

1. *патриархальный консерватизм* (конец XIX в.), порожденный ситуацией правления Александра III и угрозой революционного террора (К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров);

2. *либеральный консерватизм* (1905–1917 гг.) представителей русской религиозно-философской традиции (С.Н. Булгаков, Н. Бердяев). В это же время массовым становится радикальный консерватизм, особенно ярко выразившийся в идеологии черносотенцев. Однако в целом такую идеологию можно назвать радикализацией традиционного консерватизма, и потому ничего нового собой не несущего;

3. *революционный консерватизм* (1921 – начало 30-х годов) эмигрантских кругов – сменовеховцы, национал-большевики, евразийцы (Н. Устрялов и др.).

Идеалы консерватизма и либерализма, хотя и находились в постоянной борьбе, но в то же время постепенно вращались друг в друга, что породило оформление оригинального направления в спектре российских идейно-политических сил – либерального консерватизма, т.е. консерватизма, не противостоящего основным либеральным ценностям, но находящегося с ними в конструктивном диалоге. Либеральный консерватизм – это консерватизм почвенный, соответствующий консерватизму широких слоев, но ослабленный, смягченный либеральными элементами.

Определим отношение консерваторов разных лет к основополагающим ценностям демократии. Так, с точки зрения демократических традиций, власть должна принадлежать народу, кроме того, народ является сувереном в своем государстве.

Для демократии характерен принцип равенства людей, прежде всего в правах. Отвергая эгалитаризм, консерваторы отдают приоритет свободе перед равенством, считают естественным, а, следовательно, справедливым, социальное неравенство. Выступая за четкую политическую стратификацию и принцип меритократии, консерваторы высоко оценивают роль политической элиты.

Либеральная форма демократии вызывала наиболее пристальный, критический интерес со стороны российских консерваторов. Российские консерваторы усматривали в либерализме главного врага традиционной государственности, считая, что мирная «проповедь» разрушительных либеральных идей опасней, чем бомбы террористов, которые порождают «спасительную реакцию» (выражение К.Н. Леонтьева).

Удивительно точно оценивая ситуацию, Л.А. Тихомиров писал: «Либеральная демократия погибает не потому, чтобы при создаваемых ею режимах было невозможно жить, а потому, что нравственно не удовлетворяет личность, потерявшую жизнь духовную и воображающую найти ее в жизни политической и социальной» [1, с. 60].

Н. Устрялов отмечал, что «формальная демократия повсюду переживает сумерки, едва ли не превращается в собственную противоположность. История словно стремится воспроизвести некоторые черты государства просвещенного абсолютизма, только, конечно, в существенно новом выражении, в иной обстановке; Индивидуализм XIX века, всесторонне развивая свои определения, переходит в «этатизм» XX, новые социальные идеи, становясь мощной, активной силой, решительно трансформируют облик современного человечества» [2, с. 395].

«Впрочем, – продолжает Устрялов, – самая проблема кризиса демократии – проблема не русская, а чисто европейская. Ибо Россия до сего времени, как известно, не знала формально-демократического строя» [2, с. 413].

По мнению консерваторов, западные демократии нуждались в исправлении посредством основ дисциплины, порядка, труда, национальной культуры. Индивидуализму и коллективизму консерваторы противопоставляли принцип сообщества, который сплачивает людей в иерархически организованном «плюралистическом» обществе под эгидой сильной государственной власти узлами морального единения, взаимной ответственности, социальной корпоративности и исторической преемственности.

Устрялов выделяет в демократии новой истории два момента, два принципа, исчерпывающие ее содержание: «1) «личные права» и 2) «народный суверенитет». Это и есть то, что называется «великими принципами 89 года». Статья первая декларации прав человека и гражданина: «Люди рождаются и живут свободными и равными в правах». Статья третья той же декларации: «Принцип всякого суверенитета покоится в народе ... «Голос свободы ничего не говорит сердцу того, кто умирает с голоду». Чем больше свободы, тем меньше равенства: эти начала подобны «двум сообщающимся сосудам»: чем выше уровень воды в одном, тем он фатально ниже в другом. И поскольку демократия принялась осуществлять свободу, Бог равенства, притязательный и ревнивый, автоматически отстранялся ею за кулисы» [2, с. 404–405].

Устрялов писал об индивидуалистической демократии XIX века: «Демократический режим создает социальные неравенства в большей мере, чем какой-либо другой... Демократия создает касты точно так же, как и аристократия. Единственная разница состоит в том, что в демократии эти касты не представляются замкнутыми. Каждый может туда войти или думать, что может войти» [3, с. 273].

Еще в 1918 году Н.Бердяев отмечал, что кризис демократии (как, впрочем, и любой формы государства) – не столько кризис политический, сколько, прежде всего, духовный. Бердяев не считал возможным развитие личности без христианской веры и осознания человеком себя как части этого христианского мира. Отсюда логически вытекало его неприятие европейских форм осуществления демократии, когда индивидуальность поглощает все. Бердяев отмечает также, что демократия не создает ярких, творческих личностей, а лишь «нивелирует среду» [4, с. 578]; а давление и гонения, напротив, позволяют появляться великим людям.

Н. Устрялов анализирует изменения демократии: «И вот начинается преобразование демократии - от свободы к равенству. Сначала – на почве все того же свободолюбивого индивидуализма: «право на достойное человеческое существование». Недаром В.Соловьев назвал государство «организованной жалостью». Государство должно не только охранять, но и содействовать; упорядочивать, помогать. Право на жизнь. Право на труд. Социальное законодательство» [5, с. 30].

По мнению Устрялова, «Кризис европейских форм демократии не есть абсолютное, всестороннее отрицание демократической идеи как таковой. Формальная демократия умирает, но река истории не течет вспять, и жизнеспособные элементы отцветающего периода будут жить в нарождающемся. На смену демократии грянет сверхдемократия» [2, с. 404–405].

Модель государственного устройства, по мнению сторонников консерватизма, должна выглядеть следующим образом.

Для Л.А. Тихомирова лучшая форма государственного устройства – самодержавная монархия. Это порождало следующую проблему – проблему центрального органа представительства граждан государства, где форма правления – самодержавная монархия.

Не оспаривая важности привлечения нации к участию в государственных делах, Л.А. Тихомиров не переставал быть непримиримым противником насаждения в России парламентарной формы центрального представительства. В своих антипарламентарных взглядах Л.А. Тихомиров исходил из того, что обществу и государству надо брать в расчет не усредненное желание «совокупности наличных обывателей страны», а народную волю в ее высшем смысле – «унаследованный вывод исторических традиционных привычек... результат долгого коллективного опыта», то есть то, что классические славянофилы именовали «духом народа». Тем более этого правила должен придерживаться самодержец-представитель всей нации по праву главного защитника ее «идеала». Народ, повинувшись верховной

власти, следовательно, повинуется тому лучшему, что есть в его собственной природе. Поэтому Л. Тихомиров горячо выступает против ошибочности представления, будто монарх должен выражать мнение нации, которого та придерживается в данную минуту. Монарх, наоборот, обязан выражать вечный народный идеал, то есть то, что «думала бы и хотела бы нация... если бы стояла на высоте своей собственной идеи».

В противовес западноевропейским доктринам, сводящим задачу монархии к оформлению текущих желаний народа, Тихомиров утверждает, что задача эта не может стоять перед христианским монархом, воплощающим ценности, перед которыми должна склониться и народная воля. Монарх олицетворяет народную волю в ее первом и единственно заслуживающим внимания значении.

Содержание этой воли, которую сам народ не всегда умеет формулировать (и еще менее способен самостоятельно проводить в жизнь), диктуется «духом нации». В западных же демократиях задает тон (большей частью под влиянием своекорыстной партийной агитации) «мнимая воля», чаще всего чуждая национальному идеалу. Обязанность органа истинной народной воли – монарха – не потакать изменчивым вождениям масс, удержаться на почве национальных ценностей.

Л.А. Тихомиров писал: «Нет на свете выше политического идеала, как идеал Самодержавного Царя, душой и сердцем объединенного с народом. Но этот идеал должно понимать, и нужно им по мере сил, жить». Увидев в самодержавии тип властвования, способный (при должной постановке) принести России наибольшее благо, Л.А. Тихомиров не только встал в ряды поборников монархической формы правления, но и посвятил более половины своей жизни теоретическому осмыслению модели монархической государственности.

Л.А. Тихомиров считал, что если власть принадлежит интеллигенции, это приводит к следующей ситуации. «Социальная демократия уже теперь, задолго до своего торжества, вырабатывается применительно к этой цели. Ее верхний слой, вожаков и учителей, воспитывается в сознании того, что власть необходима, что массу народа нужно учить и направлять. Масса же воспитывается в духе замечательной дисциплины и умеренности. Самое общее «научное» мировоззрение, заменяющее в этой массе религию, внушает покорность материальным условиям и приучает сознать ничтожество своей личности. Во время окончательной борьбы за торжество властвующий и подчиняющийся слои социальной демократии могут лишь еще более обособиться и развиться. Затем начинается долгий период «диктатуры», когда придется железною рукой устраивать новые порядки, подавляя внутренние смуты и по всей вероятности ведя внешние войны. Нужно быть слепым, чтобы не видеть, каким могущественным сословием выйдет из такой истории нынешняя социалистическая интеллигенция» [1, с. 55].

Принцип выборности основных органов государства также ставился им под сомнение. «Настоящая природа социальных явлений обращает в ничто все фантазии теорий и создает класс там, где вся задача теории состояла в уничтожении его.(...) Вместо народоправства мы имеем тут парламентаризм и господство партий.(...) Нет ни одной формы правления, в которой воздействие народных желаний на текущие дела было бы так безнадежно пресечено, как в этом создании теории, пытавшейся все построить на народной воле» [1, с. 40].

Тихомиров писал: «Благо народа - сумма благ всех его членов». Пусть так. Но, во-первых, нужно установить самое понятие «блага». Во-вторых, «благо народа» и «воля народа» – понятия далеко не совпадающие» [2, с. 411].

У Тихомирова как политического мыслителя были и прозрения, и просчеты. В том, что дальнейшее существование империи могла гарантировать лишь власть, не стесненная ни парламентарным строем, ни излишним попечением об индивидуальных правах, но сильная поддержкой народа (приобретаемой как патерналистской социальной политикой, так и содержанием легитимирующих ее ценностей) – Тихомиров оказался прав. Однако трансформация самодержавия пошла по пути его либерализации, а не по пути демократизации социальных опор самодержавия, достигаемой продуманным социальным курсом, не сопровождаемым каким бы то ни было ограничением властных прерогатив самодержца, чего добивался Тихомиров.

Существенной стороной либерального консерватизма С.Н. Булгакова были его представления о государственной политике и власти. Последние обуславливались целым рядом обстоятельств, среди которых были и общая несостоятельность, и скомпрометированность режима, непопулярность императорской семьи и многое другое.

Проблему власти Булгаков всегда видел через призму политической жизни России, и хотя она имеет у него глубоко теоретическое осмысление, прежде всего, это живой поиск путей эволюционного развития страны. В этой связи обращает на себя внимание, прежде всего то, что он наиболее последовательно выступает сторонником парламентаризма. Подобное славянофильскому проекту единение царя с народом в форме легального представительства, осмысливалось дальше в определении должных полномочий народного представительства. Он считал, что парламенту, как выразителю народного мнения, должны принадлежать законодательные и учредительные права. Необходимым признаком правового государства, указывал С.Н. Булгаков, является участие самого населения в

законотворчестве, «принадлежность законодательных функций народу, действующему чрез своих представителей» [6, с. 343].

Основатель национал-большевизма Н. Устрялов был видным деятелем кадетской партии, в годы Гражданской войны руководил бюро печати в правительстве Колчака. Однако по своим убеждениям был достаточно консервативен. Сказать про него, что он был «белым» или «монархистом» нельзя. Устрялов был государственным (эстатистом), для которого Русское Государство было всем, а все остальное – ничем. Эту страсть к государственностроительству Устрялов обосновывал идеей Гегеля о том, что Государство – это воплощение мирового духа, который шагает сквозь историю к своему планетарному триумфу – финальному самосознанию.

Н. Устрялову явно не импонировали славянофилы, в частности, К. Аксаков с его утверждением, что русский народ – народ отнюдь не государственный. В этом контексте Устрялов выглядит славянофилом в гораздо меньшей степени, чем, например, Ленин или Троцкий. Устрялов открыто и серьезно рассуждал о «стихии государства». Пройдя огонь и безумие гражданской войны, на себе испытав очередную русскую вольницу, он мифологизировал русский народ как народ истово государственный, мистифицировал идею государства. Непротивление государству насилием – лейтмотив всей политической мысли русского национал-большевизма. Устрялов готов всегда принимать власть такой, какова она есть, во всей ее фактической неприглядности.

Н. Устрялов считал, что «вопрос о «воле народа» гораздо сложнее, чем его себе и нам представляли наши деды и отцы. Народ редко бывает правоверным демократом. Нельзя заставлять его непрерывно «властвовать», хотя бы против его собственной воли. Нельзя за «народом-самодержцем» отрицать суверенное право добровольно «уходить в отставку» (термин славянофилов), как ушел в отставку русский народ на триста лет после 1613 года... Но, отойдя от формального участия в правящей власти, «народ», конечно, всем существом своим творил свою историю, свою судьбу. «Народные благородные умственные и деловые силы» для своего проявления отнюдь не нуждаются непременно в условиях европейской государственной жизни последнего века» [2, с. 412].

Царский Манифест от 17 октября 1905 г. обещал даровать россиянам «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [7, с. 4]. Программа монархистов-конституционалистов (царистов) провозглашала «монархический конституционный образ правления» с признанием царя отцом народа, который «поручает избранным самим народом людям править делами государства», но от этого значение царя только возрастает. Царисты осуждали бюрократизацию государственного строя, веря в бога, уважали всякую религию. В национальном вопросе были сторонниками панславизма, что характерно для консерваторов, и призывали евреев к более умеренным взглядам. По мнению царистов, «всеобщая, равная, прямая и тайная подача голосов для избрания в Государственную думу абсолютно невозможна – это может быть вопросом далекого будущего, а не на заре парламентаризма» [8, с. 113–114].

Революция подтолкнула консерваторов к созданию партийных объединений. Партии создавались, чтобы защитить самодержавие и православие не только от революционеров и либералов, но и от колебаний самой власти, проявлявшей, по их мнению, излишнюю уступчивость по отношению к «смутьянам».

Л. Тихомиров, анализируя результаты создания партий, отмечал, что создается ситуация, когда «меня проводит не народ, а моя партия. Ей я всем обязан, от нее завишу, с нею должен сообразоваться. Народ для избирающегося — последнее дело. Его нужно побудить подать голос, а вовсе не узнать, какой у него голос. Избирательная кампания — это охота за голосами, а ничуть не опрос народа» [1, с. 144].

С.Н. Булгаков считал, что политические свободы являются абсолютно необходимым условием существования, достойного любой личности. При этом идея естественного права коренилась, прежде всего, в признании того, что человек создан по образу и подобию Божьему, а значит, не должен быть угнетаем. И хотя понимание власти С.Н. Булгаковым претерпело значительную эволюцию, неизменными остались идеи правового государства и неотъемлемых прав и свобод личности, т.е. либеральный идеал власти.

В период 1909–1913 гг. Л.А. Тихомиров берется за редакторство «Московских ведомостей», воодушевляемый надеждой превратить издание в объединителя «всех истинно русских сил». Определяя место своей газеты в русской консервативной периодике, Тихомиров писал: «Московские Ведомости — не боевой партийный листок, но по своим традициям является органом исторического национального направления, которое, вытекая из глубины духа народа, не может не охватывать всех проявлений и потребностей его жизни». Однако платформа Л.А. Тихомирова и его органа так и не стала фактором своей собственной среды. Инициативному меньшинству, обычно завершённому инициативнейшей фигурой, авторитетной волей вышедшего снизу вождя» [9, с. 4].

Критическое отношение к существующим моделям демократии со стороны консерваторов не означало полного отрицания демократического принципа власти с их стороны. Вопреки расхожему мнению, российский консерватизм имеет давнюю и непрерывную интеллектуальную традицию

широкого использования демократического принципа управления в программы социально-политического устройства России. Первой известной демократически ориентированной его школой является славянофильство (идеи широкого местного самоуправления и Земского собора). В модернизированном виде славянофильские идеи получили развитие в программах Л.А. Тихомирова и И.А. Ильина. Эти теоретики разработали разностороннюю программу политических преобразований, построенной на конвергенции монархического, аристократического и демократического принципов.

В частности, политическая теория Л.А. Тихомирова решала тройную задачу: сохранить незыблемость самодержавия, ослабить засилье бюрократии и избежать парламентаризма. Проектируемый орган, основанный на куримальной избирательной системе и квотах представительства отдельных сословий, продолжал традицию неославянофильских поисков приемлемой для русской монархии системы представительства в плоскости модификации учреждений сословно-представительной монархии (модель Земского Собора).

Л.А. Тихомиров обращал внимание на неспособность либерального государства решать социальные проблемы современности, что приводит к росту популярности социалистических идей. Поиск компромисса с реальностью вынуждал прагматичных консерваторов к изменению своей программы, диалогу с другими идейными доктринами. Основное содержание идейно-политической эволюции консерватизма заключалось в постепенном синтезе преимущественно консервативных и либеральных идей (реже – социал-демократических).

Победу большевиков непреклонный поборник сильной власти и социально сплоченного государства принял как должное. Причины успеха октябрьских триумфаторов он усматривал в том, что те в полной мере отдали себе отчет в значимости фактора насилия; смогли мобилизовать на борьбу со старым режимом «крупнейшую силу революции – рабочих». Л.А. Тихомиров называет обстоятельство, обладающее в его глазах первостепенной значимостью, – большевики были единственной силой из действовавших тогда на политической арене, которая не утратила «понимание государственности» [10, с. 32].

Тихомиров был убежден, что в то же время в социалистическом государстве политиканствующий слой получит полный простор дойти до окончательного развития, распространив свое влияние на экономическую сторону жизни, подобно тому, как этим кончали все правящие классы в истории, каким бы путем ни возникали они.

«Социальная демократия наших дней обязана своею силой именно тому, что она уже фактически расслоилась по специальным функциям и имеет уже очень порядочный правящий класс политиканов. Эти готовые кадры новых сословий социалистическое государство посадит на самую благодатную почву, так как организация труда требует многочисленных руководителей, а необходимость считаться с «волей» злополучного «самодержавного народа» поддержит тот многочисленный слой гипнотизаторов его и распространителей необходимых для того ложных сведений, который составляет различные фракции «интеллигенции». Современный верхний слой правящего класса в настоящее время не может вполне укрепиться именно потому, что «воля народа» не распространила своего влияния на экономические функции, и тут политиканствующему слою постоянно приходится наталкиваться на самостоятельную силу крупных и мелких собственников» [1, с. 54].

Важнейшая, по Устрялову, цель большевистской революции — разрушение основ формально-демократического государственного устройства XIX века. Отныне важен не закон, но преданность мощи, в которой воплощается логика мировой истории. Отрицает Устрялов и идею нравственной политики. Единственная нравственная политика, заявляет он, в духе Макиавелли, — и это политика, исключаяющая какую бы то ни было нравственность. Свобода – это зло, декларирует Устрялов, и везде в мире она деградирует и обращается в свою противоположность. Устрялов окончательно отказывается от химеры правового государства, и теперь Февральская революция для него – чистое зло, распад и смерть.

По мнению Устрялова, «раз став на путь уступок, советская власть окажется настолько увлеченной их логикой, что возвращение на старые позиции коммунистического правоверия будет для нее уже невозможным». Размышляя о вероятной эволюции государства в СССР, Н. Устрялов не считал неминуемой «рецепцию Россией западных конституционных канонов» и рассчитывал, что России удастся создать новый «культурно-государственный тип, авторитетный для Запада», включающий в себя и советскую систему, которую «мы непростительно не учитывали, когда пребывали в белом лагере». В 1925 г. Н. Устрялов отмежевался от позиции «сменовеховцев», группировавшихся вокруг берлинской газеты «Накануне», которые довольствовались лишь некоторыми корректировками «социалистического строительства».

Н. Устрялов отмечает, что «социализм явственно тоскует по политической форме цезаризма, а цезаризм 20 или 21 века неизбежно усвоит ряд элементов социалистической программы; и уже, во всяком случае, он не будет по-старому «буржуазным»» [2, с. 415]. Он считает, что культ Ленина и Муссолини, при всей их политической полярности, фиксируют новейшую ступень эволюции современной Европы.

Таким образом, социализм, по мнению большинства российских консерваторов, был исключительно западным явлением, совершенно не имеющим предпосылок развития в России. Признавая известную правоту социализма как реакцию на несправедливое общественное устройство в странах либеральной демократии, они были столь же единодушны в неприятии социалистических целей и методов.

Л.А. Тихомиров в свое время отметил, что «можно замолчать и заглушить идею передового мыслителя, проводящего смысл грядущего из содержания настоящего. Можно низвергнуть и загнать в бессилие передового политического деятеля, задевающего, во имя общественного блага, интересы политически господствующих слоев и партий. Такими путями можно оттягивать осуществление необходимого или исказить первые шаги творчества на пути к нему. Но, в конце концов, реальное содержание общества непременно воплотится в государственных формах, необходимых для функции общества...» [11, с. 47].

По нашему мнению, в интеллектуальной традиции российского консерватизма идея демократии получила свои почвенные, приближенные к российским реальностям формы и содержание. Основопологающими пунктами консервативной программы были сильное государство, социальная справедливость, патриотизм, опора на исторические традиции и др.

Библиографический список:

1. Тихомиров Л.А. Демократия либеральная и социальная / Л.А. Тихомиров. — М., 1896. — 213 с.
2. Устрялов Н.В. Национал-большевизм / Н.В. Устрянов. — М.: Эксмо, 2003. — 515 с.
3. Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности / Л.А. Тихомиров // Русское обозрение. — 1891. — № 7. — С. 270–275.
4. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. — СПб., 1992. — 838 с.
5. Тихомиров Л.А. Рабочий вопрос и русские идеалы / Л.А. Тихомиров. — М., 1902. — 303 с.
6. Булгаков С.Н. Без плана: идеализм и общественные программы / С.Н. Булгаков // Новый путь. — 1904. — Ноябрь. — 511 с.
7. Высочайший Манифест 17 октября 1905 г. // Полный сборник платформ всех русских политических партий. — М., 2001. — 350 с.
8. Программа монархистов-конституционалистов (царистов) // Полный сборник платформ всех русских политических партий. — М., 2001. — 350 с.
9. Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России / Л.А. Тихомиров. — М., 1912. — 97 с.
10. Тихомиров Л.А. Плеханов и его друзья / Л.А. Тихомиров. — Л., 1925. — 37 с.
11. Тихомиров Л.А. Рабочие и государство / Л.А. Тихомиров. — СПб., 1908. — 125 с.

Поступила в редакцию 09.06.2009 г.